

БИТВА ЗА ЛЕНИНГРАД

Дмитрий
Филиппов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Дмитрий Сергеевич Филиппов
Битва за Ленинград
Серия «Жизнь замечательных
людей», книга 1853

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67930037

*Битва за Ленинград / Дмитрий Филиппов: Молодая гвардия; Москва;
2022*

ISBN 978-5-235-04744-0

Аннотация

Битва за Ленинград – самое продолжительное сражение Второй мировой войны, длившееся с 10 июля 1941 года по 9 августа 1944 года. Через призму биографий как прославленных полководцев, так и неизвестных героев автор вырисовывает масштабную картину обороны Ленинграда. Акцент в книге сделан на действиях войск Ленинградского фронта, сражавшихся изнутри блокадного кольца.

Голод – самое страшное и безжалостное испытание, которое может выпасть на долю человека. Голод стирает тысячелетия цивилизации, низводя людей до первобытного состояния. И только любовь, вера и понимание общей беды позволяют сохранить человеческое достоинство. Генералы и офицеры, солдаты и мирные жители – все оказались связаны голодом и единой судьбой. На страницах этой книги сам Город из места

действия превращается в главного героя, на метафизическом уровне приближая Победу.

Основываясь на архивных выписках, журналах боевых действий полков и дивизий, автор показывает, в каких условиях полководцам приходилось планировать операции, а солдатам – атаковать хорошо укрепленные немецкие позиции. Отдельные материалы, связанные с биографиями В. Е. Ломакина и М. А. Нефедова, публикуются впервые.

Книга рассчитана на всех, кто интересуется историей России и Великой Отечественной войны.

Содержание

Перед Блокадой	8
Маршал ленинградской Победы	46
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Дмитрий Филиппов

Битва за Ленинград

*Лидии Родионовне Афанасьевой и Петру
Георгиевичу Гончарову, моим бабушке и дедушке,
прошедшим Блокаду, посвящается*

Жизнь замечательных людей

Серия биографий

Основана в 1890 году Ф. Павленковым и продолжена в
1933 году М. Горьким

Выпуск 1853

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Автор выражает благодарность за помощь в сборе материала во время работы над книгой Вячеславу Викторовичу Тарасову, Константину Степанову, Александру Кон-

стантиновичу Гедримовичу, Ирине Смирновой, Алексею Говорову. Без вас эта книга была бы неполной.

© Филиппов Д. С., 2020

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2020

Перед Блокадой

Перед входом на Пискаревское мемориальное кладбище установлена памятная мраморная доска с надписью: «С 8 сентября 1941 года по 22 января 1944 года на город было сброшено 107 158 авиабомб, выпущено 148 478 снарядов, убито 16 744 человек, ранено 33 782, умерло от голода 641 803 человек». От Вечного огня к главной стеле мемориала ведет аллея протяженностью 480 метров. Нет никакого сакрального и тайного смысла в этой цифре 480. Просто справа и слева от аллеи – братские могилы, череда холмиков, уходящих вглубь. И надо пройти полкилометра, чтобы миновать братские захоронения умерших в блокаду ленинградцев и погибших бойцов Ленинградского фронта. Полкилометра ям с телами. Вдумайтесь в эту цифру. Полкилометра.

На гранитной стене, расположенной позади монумента «Родина-мать», высечены строки Ольги Берггольц:

Здесь лежат ленинградцы.

Здесь горожане – мужчины, женщины, дети.

Рядом с ними солдаты-красноармейцы.

Всею жизнью своею

Они защищали тебя, Ленинград,

Колыбель революции.

Их имен благородных мы здесь перечислить не сможем,

Так их много под вечной охраной гранита.

Но знай, внимающий этим камням:
Никто не забыт и ничто не забыто.

Таков итог самой продолжительной битвы в истории Великой Отечественной войны – Битвы за Ленинград!

Ночь на 22 июня 1941 года была в Ленинграде теплой, тихой и светлой, как и положено белым ночам. Тишину нарушали лишь веселые компании вчерашних школьников, гулявших вдоль Невы после выпускного вечера. Девушки в белых платьях и юноши гуляли, взявшись за руки, смеялись, целовались украдкой, еще не зная, что вермахт уже перешел государственную границу СССР, что уже идут бои на подступах к Бресту, что эксперты люфтваффе уже бомбят Киев, Севастополь, Каунас, Житомир и другие советские города. Вечером на стадионе им. В. И. Ленина[1] должен был состояться футбольный матч между ленинградской «Красной звездой» и московским «Динамо». К 8 утра далеко за Балтийским заводом, за Академией художеств, Кунсткамерой и дальше, над ломкими силуэтами крыш Петроградской стороны повисли черные точки – аэростаты заграждения.

Ночью на подступах к Ленинграду произошли первые воздушные бои. В 3.20 летчики А. Шавров и Н. Бойко вступили в бой со звеном «Мессершмиттов» Вф. 110. В 4 часа 20 немецких самолетов предприняли попытку минирования фарватера в Финском заливе, а около 5 утра разведчики люфтваффе появились под Кронштадтом и Выборгом, где

были встречены огнем зениток.

В третьем часу ночи 2-й секретарь Ленинградских обкома и горкома ВКП(б) Алексей Александрович Кузнецов, замещавший находившегося в отпуске 1-го секретаря А. А. Жданова и бывший на тот момент фактически первым должностным лицом в городе, вызвал к себе в Смольный 1-х секретарей райкомов. Он довел до их сведения телеграмму за подписью наркома обороны СССР, полученную в штабе Ленинградского военного округа. В ней говорилось о возможном нападении 22 или 23 июня. А в пятом часу А. А. Кузнецова из его кабинета, где шло совещание, пригласили к аппарату прямой связи с Москвой. Вскоре он вернулся и коротко объявил: война!

Но основная масса жителей Ленинграда узнала о начале войны только в 12.15, когда по радио прозвучала знаменитая речь заместителя председателя СНК СССР и наркома иностранных дел В. М. Молотова. Слушая запись этого обращения сегодня, невольно режут слух дефекты дикции и нарушения орфоэпических норм языка, вот эти вот «гражданине и гражданки», «договор», смягчение звонких согласных. Но нам сложно представить, что творилось в душе наркома, когда в 12.05 он вышел из кабинета И. В. Сталина с текстом выступления и направился на Центральный телеграф, откуда осуществлялась прямая трансляция. Люди замерли на площадях и улицах, везде, где застал их этот исторический момент. Замерли и слушали. Лица спокойные,

напряженные. Никакой паники, ни тени страха. Именно тогда, в речи Молотова впервые звучит словосочетание «Отечественная война»: сравнивая войну с Наполеоном 1812 года с нынешним нападением фашистской Германии, нарком иностранных дел прямо говорит, что враг также будет разбит и изгнан с территории нашей Родины. Еще никто не догадывался тогда, что фраза «Отечественная война», произнесенная Молотовым по радио, станет точной, верной и невообразимо кровавой; никто представить себе не мог, что начался кошмар, который продлится долгих четыре года.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года среди других территорий СССР, объявленных на военном положении, были названы «город Ленинград и Ленинградская область». Это означало, что отныне все функции государственной власти в деле обороны передаются Военному совету Ленинградского военного округа.

Около 15.00 закрылись сберкассы – закончилась наличность: люди стремились снять свои скромные сбережения. В продуктовые магазины выстроились очереди. И вместе с этим на заводах и предприятиях начались стихийные митинги, а очереди добровольцев у военкоматов были не короче очередей в магазины. Как это всегда бывает в минуты опасности, обнажается нутро человека, его оголенная суть, и это не спрятать, не изменить. Ты можешь маскироваться, как хамелеон, и быть своим в доску парнем, или не быть

им, угрюмо отталкивая окружающих, но в минуту опасности твое нутряное вырвется наружу, и вся твоя суть станет видна, как на ладони: затариться продуктами или бежать в военкомат? Это, на самом деле, очень простой и внятный выбор. Но как же меняет он всю твою жизнь!

В первую же военную ночь на улицах появились военные патрули, вооруженные винтовками, а у подъездов домов – дежурные с противогазными сумками через плечо. Следили, чтобы не осталось ни одного освещенного окна. Светомаскировка. В первую же ночь зазвучали сирены, извещающая об угрозе воздушного нападения. Тревога оказалась ложной. Но вряд ли кто смог спокойно заснуть в эту первую военную ночь. Жизнь кардинально разделилась на две половины, и это было уже не изменить, не переиначить.

По решению Ставки Главного командования Вооруженных сил СССР с 24 июня 1941 года Ленинградский военный округ преобразовывался в Северный фронт. Он просуществует два месяца, а 26–27 августа его войска разделят между вновь созданными Ленинградским и Карельским фронтами. Еще никто даже не думает об окружении. Еще в помине нет Волховского фронта. Нет «Невского пяточка» и героической обороны крепости Орешек. Война уже идет, но для большинства ленинградцев пока еще остается умозрительной категорией.

Вот как вспоминает те дни Николай Никулин, курсант школы радиоспециалистов: «Война тем временем где-то

шла. Первое представление о ней мы получили, когда на территорию школы прибыла с фронта для пополнения и приведения в порядок разбитая дивизия. Всех удивило, что фронтовики жадно едят в огромных количествах перловую кашу, остававшуюся в столовой. Курсанты радиошколы были недавно из дома, еще изнежены и разборчивы в еде... Солдаты с фронта были тихие, замкнутые. Старались общаться только друг с другом, словно их связывала общая тайна. В один прекрасный день дивизию выстроили на плацу перед казармой, а нам приказали построиться рядом. Мы шутили, болтали, гадали, что будет. Скомандовали смирно и привели двоих, без ремней. Потом капитан стал читать бумагу: эти двое за дезертирство были приговорены к смертной казни. И тут же, сразу, мы еще не успели ничего понять, автоматчики застрелили обоих. Просто, без церемоний... Фигурки подергались и застыли. Врач констатировал смерть... Именно тогда в нашем сознании произошел сдвиг: впервые нам стало понятно, что война – дело нешуточное, и что она нас тоже коснется»¹.

Но были и другие примеры.

Уже 27 июня было принято решение о создании народного ополчения. 30-го началась запись добровольцев на предприятиях Ленинграда. Кировский и Московский заводы, Металлический, «Арсенал», «Прогресс», «Красный выборжец», станкостроительный им. Я. М. Свердлова, «Экономайзер»... В первый же день записалось 10 890 бойцов, к концу

пятого дня эта цифра выросла до 77 413.

На «Красный выборжец» пришла жена рабочего Рыбина и сказала: «Я проводила мужа в армию и теперь хочу трудиться в его цехе». В этот же день Анну Устиновну зачислили на работу.

В Государственном институте физической культуры им. П. Ф. Лесгафта 280 студентов и преподавателей решили уйти партизанами. Вскоре отряды лесгафтовцев отправятся в псковские леса...

Ленинградцы постепенно привыкали к равномерному стуку метронома. В перерывах между передачами он звучит размеренно, напоминая о постоянной опасности воздушного нападения, а во время тревоги ритм его становится учащенным. Еще никто не знал, что этот неторопливый стук, напоминающий шаги в гулких пустых залах Эрмитажа, совсем скоро станет единственной надеждой, когда лежишь в холодной квартире, закутавшись в ворох одеял, умирая от голода, не имея сил выйти на улицу. Этот звук станет единственным доказательством, что город еще не пал, что он жив и сражается, а значит, и ты сам жив, пока слышишь эту неторопливую поступь города.

Менялся и облик Ленинграда. Уже нельзя было увидеть блеска золота на куполе Исаакиевского собора, на шпилях Петропавловской крепости и Инженерного замка – они закрашены нейтральной краской зеленого цвета. На Адмиралтейскую иглу решено натянуть сшитый из мешковины чехол.

Крупнейшие предприятия, многие мосты, водопроводные и электрические станции тщательно замаскированы. Район Смольного, если смотреть на него сверху, превращен в лесопарковую зону. Еще на дальних подступах к зданию натянуты гигантские маскировочные сети с темно-зелеными лоскутами, изображающими деревья.

Еще одна примета тех дней. На Невском и Литейном проспектах, на других улицах прямо на тротуарах были расставлены столы с книгами, еще пахнущими свежей типографской краской. Такой литературный всплеск объяснялся просто: из-за перегрузки железных дорог было невозможно вывозить полиграфическую продукцию, печатавшуюся в ленинградских типографиях. Поэтому решили сбывать книги на местном рынке. Импровизированный книжный базар на Невском проспекте раскинулся прямо перед гастрономом № 1 – знаменитым Елисеевским. Серые мешки с песком наглухо закрывали зеркальные витрины, а рядом яркие краски на обложках.

А немецкие войска продолжали развивать наступление. Вот что записал в дневнике начальник Генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал-полковник Франц Гальдер 8 июля 1941 года: «Непоколебимо решение фюрера сравнить Москву и Ленинград с землей, чтобы полностью избавиться от населения этих городов, которое в противном случае мы потом будем вынуждены кормить в течение зимы. Задачу уничтожения этих городов должна выполнить авиа-

ция. Для этого не следует использовать танки. Это будет “народное бедствие, которое лишит центров не только большевизм, но и москвитов (русских) вообще”»².

Псков пал 8 июля. Отступление частей регулярной армии, бегство гражданского населения, обозы, нескончаемый поток спасающихся от войны людей. К тому времени после тяжелых боев был оставлен Остров, и две немецкие танковые дивизии стремительно продвигались вперед: одна на Псков, другая на Порхов. Прибывающие со стороны Ленинграда эшелоны с 235-й стрелковой дивизией с ходу вступали в бой, но в условиях паники и неразберихи, недостаточно четкого управления войсками имели место случаи самовольного оставления позиций. Дороги были забиты отступающими, поэтому подвоз боеприпасов, горючего и продовольствия был крайне затруднен.

Вот как вспоминает эти дни начальник Инженерного управления Северного фронта генерал-лейтенант инженерных войск Б. В. Бычевский: «Семьи, оставшиеся без крова, горящие дома, плачущие на руках у матерей дети, страдающие от жары и жажды. Тут и там попеременно с беженцами бредут разрозненные группы бойцов. Нескончаем поток машин, всевозможных тележек. И над всем этим пестрым водоворотом стоит угнетающий гул, в воздухе висит едкая пыль... Над шоссе только что пронесся на бреющем полете “Мессершмитт”. Пулеметная очередь скосила двух девочек и трех женщин»³.

В ночь с 7 на 8 июля части 1-й танковой дивизии вермахта отбросили наши войска на южную окраину Пскова. Создалась угроза выхода немецких танков в тыл 118-й стрелковой дивизии, которой командовал генерал-майор Н. М. Головацкий. Командование 41-го стрелкового корпуса по результатам доклада комдива Головацкого дало устный приказ на отход дивизии за реку Великая. Но в условиях общей дезорганизации и потери управления войсками был преждевременно взорван мост через реку, когда еще не было прямой угрозы со стороны немцев. Это привело к беспорядочному отступлению частей 118-й, 111-й стрелковых дивизий. Бойцы бросали тяжелое вооружение и пересекали реку вплавь.

До сих пор сложно установить, что же именно тогда происходило под Псковом. Память об этом хранит Великая – древняя русская река, но она никому не откроет своих тайн.

Генерал-майор Н. М. Головацкий за оставление Пскова и потерю частей 118-й дивизии был осужден судом Военного трибунала и приговорен к высшей мере наказания. Генерал был расстрелян 3 августа 1941 года, а определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 8 декабря 1958 года реабилитирован за отсутствием состава преступления. Командира 41-го стрелкового корпуса генерал-майора И. С. Кособуцкого приговорили к 10 годам заключения (освобожден в 1942 году, войну закончил в звании генерал-лейтенанта). Головацкий во время следствия ссылался на устный приказ комкора, а также на невозможность получить письменный

приказ в тех условиях. И. С. Кособуцкий на суде факт устного приказа не подтвердил. Также в июле 1941-го по приговору трибунала Северо-Западного фронта был расстрелян начальник инженерной службы 41-го стрелкового корпуса военинженер 2-го ранга Головлев.

Дорога на Ленинград была практически открыта. На пути немецкой группы армий «Север» остался только Лужский рубеж.

В это время школьники Ленинграда по всему городу собирают пустые бутылки. Нет, никто не искал легкого заработка. Это ленинградские предприятия получили задания ежедневно поставлять в войска 9 тысяч бутылок с горючей смесью для поджога танков противника. С 10 июля началось массовое изготовление этих стеклянных гранат на предприятиях города и в мастерских высших учебных заведений: Педагогическом им. А. И. Герцена, Текстильном им. С. М. Кирова, Электротехническом институте связи им. М. А. Бонч-Бруевича и других ленинградских институтах.

В саду возле Института холодильной промышленности (ЛИХП) и в Апраксином Дворе проходил обучение личный состав 3-й дивизии народного ополчения. Вчерашние рабочие, студенты, инженеры выполняли приемы строевой подготовки, учились колоть штыком чучела из мешковины. Все это походило на плохо поставленный спектакль, но ленинградцам не до смеха. 12 июля на ипподроме, где совсем недавно проходили скачки, дивизии будет вручено Красное

знамя, вскоре она примет участие в боях на Олонецком направлении. 2-й Приморский полк дивизии будет отправлен на Лужский рубеж. А на месте ипподрома после войны построят Театр юного зрителя.

Человек, впервые взявший в руки оружие две недели назад, еще не готов убивать. В глубине души он не верит, что винтовка, оттягивающая плечо, будет стрелять. И так же в то, что будут стрелять в него. Вот стоят эти люди на ипподроме, переминаются. Греет солнце. Скрипит песок под ногами. Очень хочется жить. Многие из них скоро погибнут, защищая свой город, свою страну. Но сейчас, вот в этот самый день 12 июля 1941 года они все еще живы, в каждом скрывается непостижимый мир – целая непознанная вселенная. И их невстреченные возлюбленные, их неродившиеся дети пока еще с ними...

Бои за Лужский рубеж 12 июля 1941 года начинаются... Так же, как в мирное время, сберкассы выплачивают выигрыши. Только за один этот день по шестому тиражу Государственного займа Третьей пятилетки сберкассы Ленинграда выплатили 6200 выигрышей на общую сумму свыше 800 тысяч рублей.

Восемнадцатого июля погибают дети Ленинграда.

Накануне вечером на станцию Лычково Демянского района Новгородской области прибыл эвакуационный поезд, вывозивший из Ленинграда детей, а также сопровождавших их педагогов и медицинских работников. Всего около двух ты-

сяч человек. На станции поезд отвели на запасной путь, ожидая подхода новых групп детей из Демянска, которые и прибыли во второй половине дня 18 июля. Примерно в эти же часы на соседний путь прибыл санитарный поезд с ранеными красноармейцами. И в этот момент появляется немецкий бомбардировщик.

Вот как вспоминает последствия налета очевидец, а впоследствии писатель Валентин Динабургский: «Фрагменты детских тел висели на телеграфных проводах, на ветвях деревьев, на кустарниках. Стаи ворон, чуя поживу, с гвалтом кружили над местом трагедии. Солдаты собирали изуродованные тела, быстро начавшие разлагаться под влиянием жары. От смрада тошнило и кружилась голова.

Через пару дней на Лычково нахлынули матери несчастных жертв. Простоволосые, растрепанные, они металась между путей, искореженных взрывами бомб. Они незряче бродили по лесу, не обращая внимания на минные поля, и подрывались на них... Неудивительно, что некоторые тронулись разумом. Меня одна женщина, улыбаясь, спрашивала: не встречал ли я ее Вовочку? Она только сейчас вела его в детсадик и оставила вот здесь... Зрелище страшное: истерики, вопли, обезумевшие глаза, растерянность, безысходность...»⁴

Из вагонов выбегают дети в белых панамках, плачут от ужаса, пытаются спрятаться в поле, не понимая, что белые панамки прекрасно видны с высоты на зеленом фоне. От-

бомбившись, летчик делает второй круг. Он видит, что перед ним маленькие дети. Он все прекрасно видит. И продолжает методично расстреливать их из пулемета. Ориентир – белые панамки.

Этот немецкий летчик... Я пытаюсь представить, какой он, как выглядит, о чем думает, злой ли он человек? Или он обычный светловолосый парень, улыбчивый, белозубый, с красивыми и правильными чертами лица, любящий свою мать, пишущий нежные письма жене о том, как уничтожил в течение минуты... не детей, нет, недочеловеческих личинок. Как он рассказывает об этом случае в полку и его друзья, его боевые товарищи Фрицы, Гансы, Густавы весело смеются. Я не знаю, погиб ли этот летчик во время войны или, наоборот, прожил долгую счастливую жизнь, растил детей, нянчил внуков. Но я точно знаю, что советский солдат – самый милосердный солдат в мире. Потому что после Лычково у него появилось полное моральное право уничтожать немцев, как нацию. Но советский солдат не стал этого делать.

Ирина Алексеевна Зимнева помнит хронику тех событий лишь по рассказам старших товарищей. Жизнь ей, трехлетней крохе, спасла кукла – памятный подарок мамы, врученный на перроне перед самым отправлением рокового эшелона. Торчащая из груды детских тел игрушечная рука привлекла внимание тринадцатилетнего лычковского мальчишки Алеши Осокина. Он потянулся за ней, услышал душераздирающий детский плач и понял – здесь лежит живой ребен-

нок. Семья Алеши приняла девочку как родную, но вскоре нашлись родственники и Ирина вернулась обратно в Ленинград, прямиком в кольцо блокады. В 1984 году Ирина Алексеевна вернулась в эти земли – вместе с мужем они купили в соседнем поселке дачу, решили обустроить хозяйство; перво-наперво – построить баньку, для чего и пригласили местного плотника. По завершении работы супруги разговорились с мастером. И вдруг он начинает описывать события того дня: разбомбленный фашистами поезд, кукла, маленькая девочка... Плотником оказался Алексей Осокин.

От Кингисеппа до Луги, от Балтики до озера Ильмень протянулась линия обороны. Немецкая группа армий «Север» впервые с начала войны завязла в районе Луги, не в силах прорвать оборону советских войск. Сводки боев второй половины июля похожи на книгу славы, что ни день, то подвиг и чудеса самоотверженности.

Вот балтийский летчик старший лейтенант Н. И. Митин. Идет на таран и сбивает немецкий самолет PZL P.24, корректировавший огонь артиллерии по Ленинграду. Самолет Митина загорелся и начал падать, но сам он успел выпрыгнуть с парашютом над территорией, уже занятой противником. Его уже считали погибшим, но через три дня Митин перешел линию фронта и вернулся в полк.

А вот неизвестный солдат. Два кубаря. Лейтенант. В районе Сольцов его взвод залег под огнем немецкого пулемета. Немец долбит яростно, страшно. Головы не поднять. Жара.

Липкий пот пропитал гимнастерку. Пить хочется. Жить хочется. Лицо в траве, душисто пахнет осокой. Жучок ползет по травинке. А подняться надо. Зачем? Зачем подниматься, когда так хочется жить? На этот вопрос не может быть внятного, не вызывающего сомнений ответа. Позади Ленинград, Родина. Да, но ведь жить хочется... Как же страшно вставать... Жена, дочь. Смотрят откуда-то ему в глаза. Откуда они смотрят? Отчего так обжигает их взгляд? Эх, надо вставать... Поднимается лейтенант, успеваешь заорать во всю грудь: «За мной, мужики!» Делает шаг и ловит пулю на вздохе. Но взвод уже поднялся, уже бежит вперед. Десять метров до врага, пять, три... Врукопашную, штыком в брюхо, саперной лопаткой под кадык. Бой яростный и короткий. Все. Сольцы отбили. 8-я немецкая танковая дивизия отрезана от основных сил. Лейтенант лежит на поле. Взгляд его стеклянен и светел. Жучок переползает с травинки на лицо.

Группа армий «Север» прекращает наступление на Ленинград 19 июля. В приказе Гитлера об этом говорилось: «Продвижение в направлении Ленинграда возобновить лишь после того, как 18-я армия войдет в соприкосновение с 4-й танковой группой, а ее восточный фланг будет обеспечен силами 16-й армии»⁵. Незвестный лейтенант и тысячи таких, как он, подарили Ленинграду еще один месяц.

Двадцать второе июля – ровно месяц с начала войны. «Ленинградский горком ВКП(б) дал указание секретарям райкомов в трехдневный срок подобрать для каждого домохо-

зяйства политорганизатора. В его обязанность входит массово-политическая работа среди населения, повышение бдительности и укрепление противовоздушной защиты дома. Одним словом, бороться за превращение каждого дома в крепость... по примеру Москвы с 12 часов 23 июля на крышах и чердаках вводятся круглосуточные дежурства для тушения зажигательных бомб [...]

И еще 27 июля 10 815 ленинградцев ушли из города. Ушли, чтобы занять уже оборудованные позиции. Это были бойцы только что сформированной 1-й гвардейской дивизии народного ополчения»⁶. Это уже пятая по счету дивизия народного ополчения.

В этот же день солдат 324-го немецкого пехотного полка Фриц Курт, воевавший под Свирью, пишет в своем дневнике: *«Сегодня мы шли в атаку. Русские подпустили нас поближе, а потом открыли такой огонь, что из нашего отделения унесли ноги только я да Ганс. Когда все это кончится?»*⁷ 28 июля Фриц Курт был убит.

Идут жестокие бои в районе Сабска. 36-я немецкая мотопехотная дивизия захватила плацдарм на правом берегу Луги. Не хватает вооружения, боеприпасов, людей. Линия обороны на этом рубеже напоминает тонкую нить. В Ленинграде мастерские Института киноинженеров (ЛИКИ) переделывают учебные винтовки и пулеметы в боевые. В этом коротком предложении весь ужас нависшей катастрофы.

Профессор Горного института А. Н. Кузнецов разрабаты-

вает рецептуру взрывчатой смеси, которую можно производить в Ленинграде из имеющихся в городе реагентов. Новое взрывчатое вещество – синал – оказалось вполне пригодным для снаряжения ручных гранат, противотанковых мин и осколочных авиабомб. Выпускать его начали предприятия, также не имеющие никакого отношения к военной промышленности: суперфосфатный завод, завод «Автоген», кирпичный завод № 1, Аллюминиево-магниевый и Горный институты.

Все окна в городе заклеены бумажными лентами, но при бомбежках стекла все равно вылетают. 31 июля штаб Местной ПВО настоятельно рекомендовал жителям города по сигналу воздушной тревоги открывать окна. Это помогло сохранить стекла до наступления холодов.

«Уходит июль. В течение этого месяца город дал фронту около 250 танков и бронемашин, 200 орудий для дотов, 185 – для танков, 300 полковых минометов, много пушек, винтовок, снайперских прицелов. Только предприятия местной промышленности отправили на фронт в этом месяце 710 тысяч противопехотных мин»⁸.

На Карельском направлении тяжелые бои 3 августа идут в районе поселка Хийтола. Высоту обороняет 6-я рота 14-го мотострелкового полка внутренних войск НКВД СССР. Это к вопросу о бытующем мифе, что чекисты якобы служили только в заградотрядах, в атаку не ходили и расстреливали штрафников пачками. В этот день в 6-ю роту при-

бывает пропагандист полка старший политрук Николай Руденко. Но в роте не до бесед, не до политинформации. Идет бой. Убивают пулеметчика и Руденко ложится за пулемет. К исходу дня он остается единственным, кто еще в состоянии удерживать высоту. Остальные бойцы тяжело ранены или убиты. После эвакуации раненых к нему присоединился санинструктор Анатолий Кокорин. Финны сражаются яростно. Еще год назад это была их земля, и они намерены ее вернуть, дойти до старой границы у реки Сестры. Руденко приказал Кокорину держаться в стороне и все время менять позиции, чтобы у противника создалось впечатление, будто высоту обороняет большое количество солдат. «Сгущались сумерки. Бой не затихал ни на минуту. Во время одной из атак вражеским солдатам удается окружить Кокорина. Они хотели захватить его в плен. Тогда санинструктор достал гранату и с криком: “Чекисты в плен не сдаются” – взорвал себя и окруживших его врагов»⁹. За этот подвиг ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Посмертно.

Руденко в этом бою получил три тяжелых ранения и потерял сознание. Ночью того же дня он пришел в себя и похоронил Кокорина, насколько мог это сделать, будучи израненным. В настоящее время место могилы героя неизвестно.

А в Ленинграде вечером 3 августа в Театре драмы им. А. С. Пушкина[2] нет свободных мест. В программе «Дворянское гнездо» И. С. Тургенева с народной артистки СССР В. А. Мичуриной-Самойловой в роли Марии Дмитри-

евны. Людно и в саду Госнардома (Александровский парк). На всеобщее обозрение выставлен вражеский самолет, пытавшийся прорваться к Ленинграду, но сбитый нашими зенитчиками. Его собрали из кусков и показали людям. Дико и омерзительно смотрелись черные кресты в Ленинграде.

«В ночь на 8 августа дальние бомбардировщики 1-го минно-торпедного полка во главе с полковником Е. Н. Преображенским совершают налет на военные объекты Берлина. Это был наш первый удар по фашистскому логову. Гитлеровцы не допускали и мысли, что над Берлином были советские самолеты. Утром немецкое радио сообщило, что минувшей ночью английская авиация совершила налет на Берлин и что при этом было сбито шесть самолетов противника. В этот же день британское командование официально объявило, что в ночь на 8 августа ни один английский самолет не появлялся над Берлином. Ложью было и то, что над Берлином сбито шесть самолетов. Все наши самолеты, бомбившие военные объекты Берлина, вернулись на свою базу»¹⁰.

Днем 11 августа началось массированное наступление немецких войск на флангах Лужского рубежа обороны: со стороны Кингисеппа и на Новгородско-Чудовском направлении. Бои идут за каждую пядь земли. В прямом смысле этого слова. Слева противник прорвался к реке Оредеж, а справа – на трассу Кингисепп – Ленинград. Лужской группировке войск грозит окружение.

К 13 августа противнику все-таки удалось прорвать Луж-

ский оборонительный рубеж с двух сторон. Советские войска нанесли контрудар во фланг наступающей группировке в районе Старой Руссы. Контрудар под Старой Руссой до сих пор недостаточно изучен историками. Бои в этом направлении продолжались до 25 августа и задержали наступление группы армий «Север» на Ленинград. Готовящийся к обороне город выиграл еще несколько недель.

Шестнадцатого августа противник обошел Кингисепп с востока и захватил город. Командующий Северным фронтом генерал-лейтенант М. М. Попов приказал командующему отходившей с боями из Эстонии 8-й армией генерал-лейтенанту П. С. Пшенникову выбить немцев из город. 20 августа 11-я стрелковая дивизия 8-й армии пошла на штурм Кингисеппа с запада и всего за один день боев освободила его. Однако ровно через сутки под напором наступающих немецких войск город вновь пришлось оставить. Пшенников привлек к боям за город 191-ю стрелковую дивизию, занимавшую до этого оборону между дотами укрепрайона. Это позволило немцам блокировать доты и дзоты.

Вечером 22 августа командир 152-го батальона старший лейтенант А. М. Королев донес в штаб укрепрайона, что гарнизоны трех дотов ведут бой в полном окружении. Он также сообщил, что видит, как саперы противника закладывают взрывчатку под доты № 7 и 9. Это было его последнее донесение. Из окружения удалось прорваться только одному человеку – 23 августа санитары подобрали тяжелораненого и

обоженного сержанта Иванова.

Дот № 17, где размещался командный пункт 263-го батальона, отбил 15 атак и выдержал сотни прямых попаданий артиллерии противника. Он продолжал сопротивляться даже после того, как все наши полевые войска переправляются через реку Лугу и взрывают за собой мост. Гарнизон дота обречен¹¹.

Контрудар в районе Старой Руссы развития не получил. Основные силы советских войск – 34-я армия Северо-Западного фронта под командованием генерал-майора К. М. Качанова – были к середине августа рассечены надвое и частично отброшены к реке Локоть, частично были взяты в плен или были уничтожены. Командующий группой армий «Север» генерал-фельдмаршал Вильгельм фон Лееб оценивал обстановку как чрезвычайно серьезную. Он был вынужден перебросить с Новгородского направления дивизию СС «Мертвая голова», затем 3-ю мотопехотную дивизию, управление LVI моторизованного корпуса. Более того, А. Гитлер приказал приостановить наступление на Москву и дополнительно передал В. фон Леебу из состава 3-й танковой группы армий «Центр» части XXXIX моторизованного корпуса. Командующий 3-й танковой группой генерал-полковник Герман Гот впоследствии писал в своих мемуарах: «Таким образом, в то время как ОКХ еще предавалось надежде в конце августа нанести решающий удар по Москве, Гитлер снова под влиянием одной неудачи группы армий “Север”, имевшей

местный характер, 15 августа принял решение: “Группе армий ‘Центр’ дальнейшее наступление на Москву прекратить. Из состава 3-й танковой группы немедленно передать группе армий ‘Север’ один танковый корпус (одну танковую и две моторизованные дивизии)[3], так как наступление там грозит захлебнуться”. Что же послужило причиной так неблагоприятно оценивать обстановку в группе армий “Север”?

Один из двух корпусов 16-й армии, продвигавшихся южнее озера Ильмень на восток, а именно X армейский корпус, был атакован значительно превосходящими силами русских (восемью дивизиями 34-й армии) и оттеснен на север к озеру. В ответ командование группы армий “Север”, стремясь облегчить весьма тяжелое положение X армейского корпуса, решило выделить для нанесения контрудара одну дивизию СС и одну моторизованную дивизию, которые до этого принимали участие в боевых действиях под Лугой и в районе озера Ильмень... Сейчас же группа армий “Центр” была ослаблена на половину танковой группы, и это в момент, когда оставалось сделать последний шаг к достижению цели операции, то есть к овладению Москвой»¹².

Возможно, именно этих соединений немцам не хватило в начале декабря под Москвой. Итоги контрудара под Старой Руссой были неутешительные. Советские войска потерпели поражение, окончательно определившее окружение Лужской группировки войск. 23 августа командующий Северо-Западным фронтом генерал-майор П. П. Собенников

был отстранен от своего поста.

11 сентября в деревне Заборовье по решению уполномоченных ГКО СССР армейского комиссара 1-го ранга Л. З. Мехлиса и генерала армии К. А. Мерецкова «во внесудебном порядке за дезорганизацию в управлении артиллерией армии и личную трусость» был расстрелян перед строем личного состава штаба 34-й армии начальник артиллерии армии генерал-майор артиллерии В. С. Гончаров. На следующий день Мехлис подписал приказ № 057: «За проявленную трусость и личный уход с поля боя в тыл, за нарушение воинской дисциплины, выразившееся в прямом невыполнении приказа фронта, за непринятие мер для спасения материальной части артиллерии, за потерю воинского облика и двухдневное пьянство в период боев армии генерал-майора артиллерии Гончарова, на основании Приказа Ставки ВГК № 270, расстрелять публично перед строем командиров штаба 34-й армии»¹³. Приказ был составлен уже после расстрела. Вот как описывает эти события Ю. В. Рубцов в книге «Alter ego Сталина. Страницы политической биографии Л. З. Мехлиса» со ссылкой на очевидца этого события, полковника в отставке В. П. Савельева: «По приказу Мехлиса работники штаба 34-й армии были выстроены в одну шеренгу. Уполномоченный Ставки быстрым, нервным шагом прошел вдоль строя. Остановившись перед начальником артиллерии, выкрикнул: “Где пушки?” Гончаров неопределенно махнул рукой в направлении, где были окружены наши ча-

сти. “Где, я вас спрашиваю?” – вновь выкрикнул Мехлис и, сделав небольшую паузу, начал стандартную фразу: “В соответствии с приказом наркома обороны СССР № 270...” Для исполнения “приговора” он вызвал правофлангового – рослого майора. Тот, рискуя, но не в силах преодолеть душевного волнения, отказался. Пришлось вызывать отделение солдат...»¹⁴

Под Старой Руссой немцы впервые захватили образец РСЗО «Катюша».

Тем не менее, как пишет А. В. Исаев, контрудар 34-й армии «сыграл важнейшую роль в начальной фазе сражения за Ленинград. Этим ударом были оттянуты от Лужского рубежа подвижные соединения как 4-й (LVI корпус), так и 3-й (LVII корпус) танковых групп вермахта. Были лишены эшелона развития успеха в лице моторизованных дивизий как группа “Луга”, так и группа “Шимск”, нацеленные на Лужский рубеж. В условиях крайне жестких сроков, в рамках которых было возможно использование подвижных соединений в группе армий “Север” до их рокировки в сентябре 1941 г. на московское направление, даже минимальные задержки давали переход из количества в качество. С этой точки зрения роль контрудара под Старой Руссой в сражении за Ленинград трудно переоценить»¹⁵.

Двадцать седьмого августа «в Ленинград прибыл последний поезд. По железной дороге подвоз продовольствия и все-

го остального, необходимого городу, прекратился»¹⁶.

В этот же день начинается перевод Балтийского флота из Таллина в Кронштадт, получивший в историографии название Таллинского перехода. Его история является одной из трагичных, но и героических страниц обороны Ленинграда. Итоги его высвечивают как недальновидность главнокомандующего войсками Северо-Западного направления маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова, так и героизм балтийских моряков, командиров кораблей, самоотверженность экипажей минных тральщиков.

Отсутствие достаточной поддержки со стороны советской береговой авиации, недостаток тральщиков, малое количество зенитных корабельных орудий и, самое главное, поздно отданный приказ на переход предопределили катастрофу. Из 225 кораблей до Кронштадта дошли 163. Из них 132 военных корабля, 29 вспомогательных судов, 2 транспорта, а также неустановленное число малотоннажных гражданских судов и плавсредств, не подчиненных Военному совету флота. Во время перехода погибли 62 корабля и судна (19 боевых кораблей и катеров, 25 вспомогательных судов, 18 транспортов).

Точный список жертв Таллинского перехода, видимо, никогда не будет составлен, поскольку никакого учета эвакуируемых, тем более поименных списков, никто не вел. На мемориальной доске в память погибших участников Таллинского перехода указано 10 903 погибших... Но четкого под-

тверждения столь точной цифре в архивах нет.

И тем не менее Балтийский флот был сохранен как бое-способная единица. В будущем корабельная артиллерия ока-жет неоценимую помощь обороняющемуся городу во время Блокады.

Первого сентября школы Ленинграда не открыли свои двери для детей. Город усиленно готовится к обороне. Только на строительстве Красносельского сектора работало 75 тысяч человек. Идут работы в зданиях города, в спеш-ном порядке делают амбразуры, улицы перекрывают колю-чей проволокой, надолбами, насыпями с песком. А враг по-дошел к станции Мга, с ходу овладел ею и в один день пре-рвал железнодорожную связь с Большой землей.

На следующий день, 2 сентября, «в Ленинграде произве-дено первое снижение норм продажи хлеба населению. Ра-бочие и инженерно-технические работники будут получать теперь по 600 граммов хлеба вместо 800, установленных 18 июля в связи с введением в стране продовольственных кар-точек. На 200 граммов снижена норма выдачи хлеба слу-жащим: вместо 600 граммов – 400. Иждивенцам и детям до 12 лет, получавшим по 400 граммов хлеба в день, теперь будет выдаваться по 300»¹⁷.

События сентябрьских дней 1941 года, нашедшие отраже-ние в сводках, директивах, дневниках и воспоминаниях жи-телей, солдат, советских и немецких офицеров, выстраива-ются через призму цифр. Сформировано столько-то добро-

вольческих батальонов, уничтожено столько-то танков и самолетов противника, взято в плен, пройдено, учтено, выписано, выверено, расстреляно, потрачено... А за каждой цифрой стоит живой человек. А за каждым донесением страх, боль, надежда. Город находится в огненном кольце, которое вот-вот замкнется окончательно. Город готовится к уличным боям. Создан штаб внутренней обороны города. Командный пункт фронта окончательно перемещается в Смольный.

Ситуация обостряется стремительно. 3 сентября немецкие войска подошли к городу на расстояние выстрела дальнотбойной артиллерии. На улицах Ленинграда начинают рваться снаряды. Гибнут дети. Д. Д. Шостакович дописывает 1-ю часть 7-й симфонии, которую позже будут называть Ленинградской.

«Чтобы растянуть менее чем скромные, а если говорить точнее, ничтожные запасы муки, решением Ленгорисполкома от 4 сентября предложено примешивать к ней 12 процентов солодовой, соевой и овсяной муки, 2,5 процента размолотых жмыхов и 1,5 процента отрубей»¹⁸.

В сентябре вдруг стало ясно, что угроза захвата города войсками противника вполне реальна. Что бои могут идти в Летнем саду, что Московский проспект может превратиться в кровоточащую артерию, по которой немецкие танки будут прорываться в центр города. Бои разгораятся уже в пригородах, линия Пушкин – Ям-Ижора – Колпино превращается в слоеный пирог. Например, на одном участке немцы

прорываются силами батальона и уходят вперед: впереди наши войска, потом немцы, потом опять наши. В ряде подразделений отсутствует не то что взаимодействие – нет элементарной связи. Поэтому, к примеру, 402-й полк 168-й стрелковой дивизии думает, что у него фланг прикрыт, а там уже полдня хозяйничают немцы, а полк воюет в полуокружении. И такая картина повсеместно, на всем участке фронта.

В городе первые взрывы. Первые жертвы.

Впервые линию советской ПВО бомбардировщики люфтваффе смогли преодолеть 6 сентября. Теперь на улицы Ленинграда, в том числе и на Невский проспект, падают бомбы. Обстреливает город и немецкая артиллерия, подошедшая на расстояние прямого выстрела. Вот документальное свидетельство того, что натворил только один вражеский снаряд в этот день. Акт, позже заверенный Ленинградской комиссией по расследованию злодеяний немецко-фашистских оккупантов и представленный на Нюрнбергском процессе, был составлен врачом 4-го батальона МПВО Берлином и медицинской сестрой Тверской: «6 сентября 1941 года снаряд разорвался на улице. На панели с расprostертыми руками лежит убитая женщина. Рядом валяется корзина с продуктами. Деревянный забор скошен и обогрен кровью. На нем налипли куски размозженного человеческого тела, петли кишок, окровавленные осколки костей, куски мозга. На панели – разорванный пополам труп беременной женщины: виден труп почти доношенного младенца. Во дворе 5

трупиков девочек в возрасте 5–7 лет. Они лежат полукругом, в том же порядке, как стояли тут до момента смерти, играя в мяч»¹⁹.

На северно-восточном направлении корпуса 16-й немецкой армии в двухдневных изнурительных боях выбили из-под Мги 1-ю стрелковую дивизию НКВД полковника С. И. Донскова. Обозначилась угроза форсирования немцами Невы, но они продолжили движение вдоль ее левого берега. Их целью был «Ключ-город» – Шлиссельбург. Он пал 8 сентября. Именно эту дату принято считать началом полной блокады Ленинграда. **8 сентября 1941 года.** В городе на этот момент находится 2 миллиона 544 тысяч жителей. Из них 649 тысяч не доживут до освобождения города. Но 8 сентября они этого еще не знают. Эта цифра официально была озвучена на Нюрнбергском процессе. При этом от артобстрелов и бомбардировок погибло 16 747 человек. 632 253 человека умерли от голода²⁰. Этот день воистину является черным не только на фактическом театре военных действий, когда захлопывается узкое бутылочное горлышко в районе Шлиссельбурга от правого берега реки к левому. 8 сентября – предвестник страшного голода на уровне понятийном, смысловом. В этот день массивной бомбардировке подверглись знаменитые Бадаевские склады. Огонь здесь полыхал около пяти часов. В огне погибло 3 тысячи тонн муки и 2,5 тысячи тонны сахара[4]. По оценкам историков, этих запасов продовольствия на складах хватило бы го-

роду на 2–3 недели, и определяющей роли они не играли. Но в ледяном январе 1942-го даже две недели это тысячи жизней. Тысячи оставшихся в живых. Пять часов горели склады, горячие сахарные ручейки стекали в канавы, люди обступили место пожара и наблюдали, как горят их жизни и текут по улицам их души сладкими ручейками...

Относительно планов А. Гитлера в отношении города. Нет никаких сомнений, что фюрер собирался стереть его с лица земли, но директив за его личной подписью на этот счет нет. Знаменитая «директива Гитлера № 1601 от 22 сентября 1941 года» на самом деле таковой не является. Это реальный документ, он был приведен в качестве доказательства на Нюрнбергском процессе и нет оснований сомневаться в его подлинности. Но называется он иначе: Директива начальника штаба ВМФ Ia 1601 от 22 сентября 1941 года²¹. Вот ее полный текст:

«Будущее города Петербурга

1. Чтобы иметь ясность о мероприятиях кригсмарине в случае захвата или сдачи Петербурга, начальником Штаба руководства морской войной был поднят вопрос перед ОКВ о дальнейших военных мерах против этого города.

Настоящим доводятся до сведения результаты.

2. Фюрер решил стереть город Петербург с лица земли. После поражения Советской России дальнейшее существование этого крупнейшего населенного пункта не представляет никакого интереса. Финляндия точно так же заявила о

своей незаинтересованности в существовании этого города непосредственно у ее новых границ.

3. Прежние требования кригсмарине о сохранении судостроительных, портовых и навигационных сооружений известны ОКВ, однако удовлетворение их не представляется возможным ввиду общей линии, принятой в отношении Петербурга.

4. Предполагается окружить город сплошным кольцом и стереть его с лица земли огнем из артиллерийских орудий всех калибров и непрерывными воздушными налетами.

Если вследствие создавшегося в городе положения будут заявлены просьбы о сдаче, они будут отвергнуты, так как проблемы, связанные с пребыванием в городе населения и его продовольственным снабжением, не могут и не должны нами решаться. В этой войне, ведущейся за право на существование, мы не заинтересованы в сохранении хотя бы части населения.

5. Верховное командование кригсмарине в ближайшее время разработает и издаст директиву о связанных с предстоящим уничтожением Петербурга изменениях в уже проводимых или подготовленных организационных мероприятиях и мероприятиях по личному составу.

Если командование группы армий имеет по этому поводу какие-либо предложения, их следует как можно скорее направить в Штаб руководства морской войной».

Документ подписан начальником Штаба руководства

морской войной вице-адмиралом Куртом Фрике.

В ходе Нюрнбергского процесса подсудимый, бывший главнокомандующий ВМС гросс-адмирал Эрих Редер был допрошен относительно этого документа. Вот его показания: «Я просил Гитлера, когда я услышал, что он намерен в ходе войны обстреливать Ленинград, что он должен сохранить порт и доки, потому что они будут полезны для нас, так как мы хотим переместить наши базы дальше на восток по причине британских воздушных атак в Прибалтике. Незадолго до даты, о которой Вы упомянули, адмирал Фрике был в штаб-квартире Фюрера – я не знаю по какой причине – и там говорил с фюрером в мое отсутствие. Фюрер объяснил ему, что планируют обстреливать Ленинград, особенно с самолетов, и он использовал эти весьма преувеличенные слова, которые затем были написаны в документе. ВМФ не имел абсолютно ничего общего с обстрелом Ленинграда. Мы не получали приказов об этом. Мы были заинтересованы только в одной вещи, что следует сохранить верфи и портовые сооружения.

Фюрер проинформировал Фрике, что, к сожалению, он был не в состоянии сделать это, потому что попадания, особенно если с самолета, не могут быть направлены так точно. Все, что мы могли бы сделать – это сообщить генерал-адмиралу Карльсу, что Ленинград в случае захвата не может использоваться в качестве базы и генерал-адмиралу Карльсу придется остановить приготовления, которые он уже на-

чал: выделение немецких рабочих и, вероятно, техники, которая была предназначена для использования в Ленинграде позже. Карльс должен был знать об этом, и так называемый Департамент интендантства ВМФ должен был знать об этом, и именно поэтому адмирал Фрике написал эту бумагу. К сожалению, он включил в этот документ выражения, используемые Гитлером, которые никак не связаны с делом, поскольку мы были обеспокоены, потому что ничего не делается с обстрелом. Тем самым он не берет на себя в любом случае ответственность, в том смысле, что он одобрил его. Он считал только, что он должен был включить формулировку Гитлера в документ. Военно-морской флот не имел ничего общего с этим вопросом. Не было бы необходимо издавать его, и, к сожалению, и очень неуклюже, выражение, используемое Гитлером, было введено в этот документ»²².

Редеру можно не доверять, но его слова подтверждаются выписками из журнала боевых действий группы армий «Север», в которых первые данные о решении заблокировать город встречаются 28 августа 1941 года. Далее день ото дня данные сбивчиво и неуверенно подтверждаются с небольшими вариациями и деталями. Вариации, понятное дело, вносят защитники Ленинграда. Поэтому достоверно сказать, когда именно Гитлер принял решение заморить Ленинград голодом, неизвестно. Рискну предположить, что решение об отмене штурма Ленинграда было принято в последний момент, Гитлер и сам не знал, что ему делать. Основной це-

лью была Москва, и войска ему нужны были на центральном направлении. Блокировав Ленинград, можно было перебросить часть войск (особенно танковые корпуса) на Москву. С другой стороны, имеющихся у В. фон Лееба сил было явно недостаточно для штурма. Каждый сентябрьский день стоил немцам огромных усилий. Продвижение давалось все труднее. Защитники города дрались насмерть. В конце концов 25 сентября В. фон Лееб написал в ОКХ: «Группа армий “Север” с оставшимися у нее силами более не в состоянии в полной мере продолжать наступление на Ленинград. Тем самым отпадает и систематический артиллерийский обстрел города. Чтобы вынудить город к сдаче, остаются только бомбардировка и измор»²³.

Поэтому разговоры о том, что город был открыт для врага и Гитлер-де сам не захотел его брать (а именно так представляет ситуацию писатель-фронтовик Д. А. Гранин в своем романе «Мой лейтенант»), полностью не соответствуют действительности. Советские войска остановили врага на подступах к городу. Ценой огромных потерь и проявлений массового героизма. Остановили. Сами. Без всяких директив Гитлера. Через несколько месяцев фон Лееб будет отстранен от должности командующего группой армий «Север».

Блокада началась. Впереди была смена командования Ленинградского фронта. 14 сентября в критические для города дни командование принял генерал армии Г. К. Жуков. Судьба города будет решаться в этот короткий промежуток: с 14

по 21 сентября. В городе заминируют мосты, здания, будут разработаны план-схемы ведения боев в городской черте. О сдаче никто и не помышлял. Город готов биться за каждый дом, за каждый канал, за каждый кирпич и камень. Но это все впереди.

Как показывают сводки боевых действий в районе Пулковских высот, в районе Стрельны и Петергофа, со стороны Колпина, на Дудергофских высотах – враг всеми силами рвался в город. Если бы ему это удалось – не было бы никакой блокады, все решения и фантазии Гитлера были только на словах в общении со своими генералами. Пора назвать вещи своими именами: генерал-фельдмаршал фон Лееб просто не смог сломить сопротивление ленинградцев.

Впереди были героическая оборона крепости Орешек и трагическая гибель Петергофского десанта, попытки прорыва блокады в 1942 году и Дорога жизни, спасшая сотни тысяч ленинградцев, окружение 2-й ударной армии генерал-лейтенанта А. А. Власова и подвиг советских бойцов в страшной мясорубке Невского пятачка. И, конечно же, голод, страшный голод первой блокадной зимы.

Иногда ночью мне снится сон. Снятся незнакомые мне люди, которых я никогда не видел, не знал, но чье присутствие, чья твердая поступь будоражат слух, вспарывают пласты глубинной памяти и открываются неведомые эпохи. Из глубины столетий на меня смотрят мои предки. Ни о чем не спрашивают, не говорят – просто смотрят. Отдавшие жизнь

за Родину, ушедшие с небесным воинством защищать Россию на небесах, присматривать за мной, далеким и бестолковым потомком. Кости их давно сгнили в земле, легенды и были не сохранили их рабоче-крестьянских имен. Грубые, словно выточенные из камня, мягкие, как глина, мощные, как платяные шкафы, и худые, жилистые, – не люди, а промасленные канаты... Добрые, злые, гулящие, разухабистые, крикливые, спокойные... Разные. Настоящие. Погибшие в бесчисленных боях за Отечество. И если я чувствую их боль, слышу их голоса из своего сегодняшнего настоящего, то это значит, что через двести лет кто-то также будет чувствовать меня. Кровь моя не сгинет бесследно. Это и есть чувство родной земли, каким его может сформулировать для себя русский человек. Кровь и плоть наших предков сделали эту землю живой, жирной и родящей. И все, что мы можем сделать для своих потомков – сохранить ее в том виде, в котором получили от своих дедов и прадедов, а если понадобится – удобрить ее словом, делом и собственной плотью. Ибо плоть тленна, а душа человеческая вечна. Мертвые сраму не имут.

Чаще других мне снится вихрастый семнадцатилетний парень, задира и хулиган ленинградских окраин. Его зовут Алимпий Афанасьев, старший брат моей бабушки. В ноябре 1941 года он будет ползти по ночам на совхозные поля в районе Пулковских высот. Поля эти расположены на нейтральной территории, заминированы, обстреливаются нем-

цами и нашими. Пулю можно поймать с любой стороны. На этих полях когда-то росла капуста. В ноябре 1941 года капуста сгнила под ненастной осенней хлябью, но остались кочерыжки. Их-то и собирал этот парень, набивая тугой холщовый мешок. Моя прабабушка сварит щи из этих кочерыжек и победит смерть еще на несколько дней.

Тогда же в ноябре этот парень будет собирать землю на месте сгоревших Бадаевских складов. Вся семья будет эту землю перебирать, отделяя уголь от крупинок сахара. Смерть где-то рядом, но пока этот чубатый белокурый парень улыбается ей нахальным голодным оскалом – ей нечего делать в моей семье.

Еще помогла профессия моего прадеда: он был столяр-краснодеревщик. В наших комнатах в коммунальной квартире хранились внушительные запасы столярного клея. Раньше клей делали на муке, поэтому его можно было варить и есть. Вместе с гнилыми кочерыжками. Так мои предки выжили в первую блокадную зиму. Весной бабушку эвакуировали на Большую землю, а вот Алимпий к этому моменту будет уже мертв. В январе 1942 года его призовут в армию, и он почти сразу же погибнет на Невском пятачке. Погибнет для того, чтобы жили его сестры и мать, его страна, чтобы много десятилетий спустя я появился на свет и написал эту книгу.

Маршал ленинградской Победы
Леонид Александрович
Говоров, маршал Советского
Союза, командующий
Ленинградским фронтом

Петербург город особый, мистический. Построенный на костях, возведенный непреклонной волей одного человека, в месте, которое словно бы самой природой было не предназначено для жизни, он хранит в себе множество тайн, трагедий, предательств и подвигов, сомнений и героических поступков. Город-осень, город-свинцовое небо, город-перевертыш. Мрачный и волшебный одновременно, сырой и свежий, любящий и любимый. Этот город каждого приезжего пробует на зуб, но не присматривается. Он либо сразу принимает тебя всего без остатка, либо не принимает совсем. И приговор этот окончательный, обжалованию не подлежит.

Построенный на болотах в насмешку над природой, во имя утверждения человеческой воли и твердости. Петербург – Петроград – Ленинград – Петербург... Величайший преступник в мировой истории желал стереть этот город с лица земли, заморить его голодом и взорвать со всеми потрохами, тайнами, со всей многовековой историей. На его пути встали

солдаты, горожане, поэты, композиторы. Они умирали сотнями тысяч, но не сдавались. И был еще один человек, который отменил смерть в Ленинграде.

В апреле 1946 года командующий войсками Ленинградского военного округа, маршал Советского Союза, Герой Советского Союза Леонид Александрович Говоров был переведен в Москву на должность главного инспектора Сухопутных войск. Водитель забрал его из квартиры на Петроградской стороне[5], чтобы отвезти на Московский вокзал. Дорога известная. Через Троицкий мост, мимо Марсова поля, по Садовой, напрямик на Невский проспект. А там до вокзала рукой подать. Но вдруг на Троицком мосту Говоров попросил водителя проехать по набережной. Черная «Волга» свернула направо и двинулась вдоль Невы, мимо Эрмитажа... Машина сделала круг и вновь заехала на набережную со стороны Исаакия, мимо Медного всадника, вдоль Адмиралтейства...

Верно, что-то чувствуя, Говоров прощался с городом, сыгравшим важнейшую роль в его судьбе. А город прощался с военачальником, которого помнил генералом, до этого – подпоручиком, а раньше – студентом Петроградского политехнического института, а еще раньше – степенным, сдержанным юношей, впервые ступившим в столицу (еще не Северную, а просто столицу) со ступеней поезда на Николаевском вокзале. Знал ли город, что этот неразговорчивый молодой человек однажды спасет его жителей от голодной смерти, а безмолвные гранитные набережные – от полно-

го уничтожения? В 1916 году много молодых людей приезжали покорять столицу. Но большинство иллюзий разбивалось о гранитные камни, а сфинксы у Академии художеств умеют хранить тайны. Наверное, город и не заметил сперва этого юношу. Лишь потому, что Леня Говоров, выпускник Елабужского реального училища, не собирался никого покорять. Он просто приехал учиться. Но судьба распорядилась иначе.

Леонид Говоров родился 10 февраля (по старому стилю) 1897 года в деревне Бутырки Яранского уезда Вятской губернии в семье обычного крестьянина. Леонид был старшим, а всего в семье Говоровых было четыре сына. Чтобы прокормить семью, отец будущего маршала, Александр Григорьевич Говоров, много работал: сначала крестьянствовал, потом бурлачил, затем служил матросом на судах частной паровой компании купцов Стахеевых. Александр Григорьевич, от природы обладая пытливым умом и тягой к знаниям, самостоятельно выучился грамоте, устроился письмоводителем реального училища в Елабуге. Говоря современным языком, он был секретарем, вел делопроизводство. Должность не самая завидная и почетная, но после тяжелого физического труда бывшего крестьянина устраивало такое положение вещей. Но не будем преувеличивать эффективность социальных лифтов в предреволюционной Российской империи. Случай Александра Григорьевича является скорее исключением из правил.

Понимая, что только образование может вытащить его детей из нищеты, отец не жалел сил и старался, с одной стороны, получше устроить своих сыновей, пользуясь определенными возможностями служебного положения, с другой стороны – прививал им тягу к самообразованию, формировал пытливость ума, широкий, основательный взгляд на мир. К слову сказать, возможностей у Александра Григорьевича было не много. Должность письмоводителя позволяла лишь бесплатно устроить своих детей на учебу.

После окончания четырехклассного ремесленного училища в Яранске Леонид Говоров поступил в Елабужское реальное училище. Все семь лет учебы в училище Леонид был первым учеником в классе (вторым по успеваемости был его брат Николай). Занимался целеустремленно и систематически, много читал. Увлекался математикой и физикой.

Чтобы яснее видеть путь, которым следовал Леонид Говоров, надо понимать, что из себя представляла Елабуга в начале XX века. Это был достаточно крупный город в Вятской губернии (современный Татарстан), в котором проживало более десяти тысяч жителей. Из 600 купцов было 12 миллионеров, для уездного города это был серьезный процент богачей. При том что остальные жители существовали более чем скромно.

Сословное неравенство ощущалось достаточно остро, даже спустя много лет Леонид Александрович так вспоминал годы учебы: «Тогда я впервые, даже в отношении детей меж-

ду собой, заметил и почувствовал, какое превосходство этим детям давало привилегированное положение их родителей. Я решил завоевывать свое положение и достичь превосходства над ними трудом и знаниями. И, поставив эту цель, упорно и настойчиво стремился к ней»²⁴.

«В документах переписи населения России царским чиновником в 1904 г. записано: “Граждане города славятся благотворительностью. Трудно указать другой уездный город, где бы благотворительность проявлялась в таких широких размерах, как в Елабуге. Елабужское купечество, исстари отличавшееся благотворительностью, строило на свои средства храмы как в городе, так и в других местах империи...” В Елабуге с 70-х годов XIX века и до 1917 года существовал особый “Благотворительный граждан И. И. и Д. И. Стахеевых комитет”, огромные средства которого направлялись исключительно на помощь людям. Кроме стахеевского благотворительного комитета, на счетах которого в 1904 году было более 2 млн рублей, существовал еще и созданный по аналогии комитет купца Чернова, также владевший значительными капиталами, на проценты от которых строились храмы в различных приходах»²⁵. Все это, конечно же, не спасло заводы, фабрики и пароходства, принадлежавшие благотворителям, от национализации в 1918 году.

Чтобы состояться в жизни, необходимо было вырваться из этого городка. И Леонид по окончании реального училища отправился в Петроград. В его аттестате о среднем образова-

нии было указано: «Дано сие ученику дополнительного класса Елабугинского реального училища, сыну чиновника Леониду Александровичу Говорову, православного вероисповедания, родившемуся в тысяча восемьсот девяносто седьмом году февраля девятого дня [так в цитате. – *Ред.*], в том, что он... при отличном поведении освобожден от испытаний. За время обучения в дополнительном классе показал следующие успехи: в Законе Божьем – отличные, русский язык – отличные, немецкий язык – отличные, французский язык – отличные, арифметика – отличные, алгебра – отличные, тригонометрия – отличные, специальные курсы (основания аналитической геометрии, анализа бесконечно малых) – отличные, история – отличные, естествознание – отличные, физика – отличные, математическая география – отличные, рисование – отличные, законоведение – отличные»²⁶. С таким аттестатом он без труда поступил на кораблестроительное отделение Императорского Петроградского политехнического института. Брат Николай поступил в Петроградский лесной институт.

Никакого намерения сделать военную карьеру. Леонид Говоров не бредит сражениями, подвигами, его не прельщает «эскадрон гусар летучих», не привлекает все это мальчишеское, романтическое и восторженное. Напротив, он дальновидно и осмотрительно выбирает мирную специальность, с которой не пропадешь. Быть инженером, проектировать и строить корабли – вот его мечта, его синица в руках.

К сожалению, человек не выбирает время, в которое ему суждено родиться. Шел 1916 год. Первая мировая война была в самом разгаре. Всего лишь семь месяцев Говоров проучился на факультете. «Уже в декабре 1916 г. был объявлен призыв студентов. Леонида и Николая мобилизуют в царскую армию и направляют на учебу в Константиновское артиллерийское училище. Леонид с головой погружается в изучение военных дисциплин. “Если нам суждено попасть на фронт, то нужно хорошо научиться воевать”, – говорит он брату Николаю»²⁷. И это можно назвать его жизненным ориентиром, символом веры: за что бы ты ни брался – делай это хорошо, лучше всех, иначе вовсе не берись. Здоровый максимализм русского человека, присущий настоящим мужчинам.

После Февральской революции обстановка на фронте стала резко ухудшаться и в канун Июньского наступления 1917 года был произведен досрочный выпуск: юнкерам, в том числе Леониду и Николаю Говорову, присваивают воинское звание прапорщика. Но окопы Первой мировой миновали несостоявшегося кораблестроителя. Незадолго до выпуска Леонида вызвал начальник учебной части полковник Б. И. Иванов и предложил ему, как отличному офицеру, остаться служить в училище.

В столице – неустойчивое двоевластие, где с одной стороны Петросовет, находившийся под контролем меньшевиков и эсеров, с другой – Временное правительство во главе

с министром-председателем князем Г. Е. Львовым. По Невскому проспекту в июне проходят большевистские демонстрации, город кипит. Поражения на фронте следуют одно за другим. Повальное дезертирство из армии. Боеспособность некогда сильной армии стремительно падает. Апрельские тезисы вернувшегося из эмиграции В. И. Ленина всколыхнули рабочих. Страна находилась в глубочайшем кризисе. Через месяц провалом закончилось выступление большевиков, дошло до вооруженного противостояния демонстрантов с войсками, началась открытая борьба за власть.

Перспектива остаться в Петрограде была не слишком заманчивой. Идти на фронт, где тебя могут убить как немцы, так и вышедшие из повиновения собственные солдаты, тоже решение не из лучших. Леонид Говоров отклонил предложение остаться в столице. Впрочем, на фронт он тоже не попал. Для прохождения службы его направили в Томск, младшим офицером Отдельной Сибирской запасной мортирной артиллерийской батареи.

Судьба словно играет с будущим маршалом в кошки-мышки. То подталкивает к военной карьере, то поворачивается спиной. Захватив в октябре 1917-го власть, большевистское правительство уже в декабре начинает принимать меры по демобилизации армии. Солдаты сами начинают выбирать командиров. Пользовавшегося определенным авторитетом у солдат Леонида Говорова хотят сделать командиром батареи, но он принимает неожиданное решение: поки-

дает армию и уезжает к родным в Елабугу, где устраивается на работу... делопроизводителем в местную Потребкооперацию. То есть сознательно отказывается от офицерской должности ради работы секретарем, обычным клерком. Что это, если не попытка обмануть судьбу?

Если вдуматься, то перед нами уникальный случай. Человек, сделавший все, чтобы не быть военным, офицером, абсолютно аполитичный, бывший офицер царской армии становится маршалом Советского Союза, спасает Ленинград от уничтожения и делает оглушительную военную карьеру.

Можно считать совпадением, что Леонид Говоров попал именно в Константиновское артиллерийское училище. Это определило его дальнейшую судьбу и бытие, как артиллериста. Не просто талантливое, а артиллериста от Бога, как бы двусмысленно это ни звучало.

В октябре 1918 года Гражданская война дошла и до Елабуги, в город вступили войска адмирала А. В. Колчака. Нет достоверной информации о том, добровольно или по принуждению Леонид Говоров вместе с братом Николаем поступил в белогвардейскую армию, но факт остается фактом. Возможно, сыграла роль та жестокость, с которой части Красной армии, вступившие в Елабугу в апреле 1918 года, расправлялись с представителями «эксплуататорских классов». В основном пострадали купцы и офицерство: их расстреливали, топили в реке Томке. Было убито около 500 человек. Практически год Говоров воевал против красных в

рядах Белой армии, и воевал успешно. Как офицер-артиллерист, он был зачислен в отряд другого выпускника Елабужского реального училища подполковника (будущего генерал-майора Белой армии) Викторина Михайловича Молчанова. Отряд Молчанова влился в состав 8-й Камской стрелковой дивизии, одной из лучших дивизий армии Колчака. Подпоручики Говоровы участвовали в Весеннем наступлении колчаковских войск, в Челябинской и Уфимской операциях, в боях против Красной армии под Златоустом и на Тоболе. Все четыре военные операции закончились поражением Белой армии. С этим периодом связана и еще одна шутка судьбы: подпоручик Говоров принимал участие в боях против 5-й армии РККА, а в октябре 1941 года под Москвой, будучи генералом, он станет командующим вновь сформированной 5-й армией.

Сейчас сложно сказать, что побудило Леонида Говорова вместе с братом перейти на сторону большевиков. Гражданская война в России прошла по семьям, раскалывая их на части. РККА сражалась отчаянно, уничтожая ненавистный царизм, расплодилось множество атаманов, от «зеленых» до анархистов, которые воевали или за себя, или за какую-то свою, только им ведомую правду. Правды сталкивались, крошились, гибли люди, ломались судьбы. Выходец из народа, Говоров никогда не был своим в офицерской среде белогвардейцев. Хруст французской булки – это не про него. А зверства колчаковской контрразведки не могли оставить равно-

душным сына крестьянина.

Белый террор, который устраивали казачьи атаманы Б. В. Анненков, А. И. Дутов, Г. М. Семёнов, И. П. Калмыков в Сибири и на Урале, не поддается описанию. Тысячи повешенных, замученных, расстрелянных, зарубленных. «Нам нет никаких запрещений! С нами Бог и атаман Анненков, руби направо и налево!» – с таким девизом казаки врываются в села и деревни. Атаман Семёнов лично держал под контролем пытки в застенках, в ходе которых было убито до 6500 человек.

Наивысшего размаха Белый террор достиг в Сибири именно в отношении крестьян в ходе карательных акций частей адмирала Колчака. Член ЦК Партии правых эсеров Д. Ф. Раков сумел переправить из тюрьмы за границу письмо, которое было опубликовано в 1920 году в виде брошюры с названием «В застенках Колчака. Голос из Сибири». В нем он писал, в частности, следующее: «Омск просто замер от ужаса. В то время, когда жены убитых товарищей день и ночь разыскивали в сибирских снегах их трупы, я продолжал мучительное свое сидение, не ведая, какой ужас творится за стенами гауптвахты. Убитых... было бесконечное множество, во всяком случае, не меньше 2500 человек. Целые возы трупов провозили по городу, как возят зимой бараньи и свиные туши. Пострадали главным образом солдаты местного гарнизона и рабочие...»²⁸

Все это происходило при содействии солдат и офицеров

Чехословацкого корпуса. Поэтому выбор Говорова не просто оправдан и естествен, он крайне прост: Россия там, где ее народ. Если народ убивают и расстреливают ради «белых» идеалов, то пусть горят в огне эти идеалы.

В октябре 1919 года Леонид Говоров бежал из Белой армии вместе с частью солдат своей батареи. Вместе с ним бежал и его брат Николай. Скрываясь, они стали пробираться в Томск. Большую помощь в этом беглым подпоручикам оказал их родной дядя Алексей Григорьевич Говоров. Он в 1917–1918 годах возглавлял Совет депутатов поселка Юрга и пользовался большим авторитетом у местных жителей. В 1918 году он был арестован белыми, освобожден красными партизанами и в 1919-м уже воевал в партизанском отряде. В Томске Леонид и Николай сразу же оказались в гуще революционных событий. Большевистские лозунги о свободе и равенстве захватили братьев, и они примкнули к революционному движению. В декабре 1919-го они приняли участие в восстании против белых, при этом Леонид стал помощником начальника боевой рабочей дружины. Ему на тот момент исполнилось 22 года.

Также есть версия, что Говоров не добровольно перешел на сторону Красной армии, а банально попал в плен, и только острая необходимость красноармейцев в военспецзахватниках уберегла его от расстрела. «Говоров был исполнительным служакой, военным до мозга костей. Он беспрекословно выполнял приказы, инициативы предпочитая не проявлять. Поэтому

побег, дезертирство были не характерны для самой его личности. Призвали его в Белую армию – Говоров отправился служить. Попал в плен к красным, был мобилизован как полезный специалист – начал карьеру в Советской России. Эти черты – исполнительность, покорность – позже и привлекли к себе внимание И. В. Сталина, который прекрасно знал всю “подноготную” полководца и считал его не способным на заговор», – пишет в своем исследовании С. Е. Лазарев²⁹. Много в этой версии вызывает сомнения. Во-первых, маловероятно, чтобы он попал в плен одновременно с братом. Во-вторых, в Томске Говоров начал с боевой рабочей дружины и только потом оказался под началом В. К. Блюхера. В-третьих, если вначале ситуация с военспецами в РККА была не однозначной, то к 1919 году выработался единый подход к бывшим царским офицерам. В первый год Гражданской войны им не доверяли, а в партии шли жесточайшие дискуссии на тему их привлечения и использования в рядах Красной армии. Но уже 19 марта 1918 года Совет народных комиссаров принял решение о широком привлечении в РККА военспецов, а 26 марта Высший военный совет издал приказ об отмене выборного начала в армии, что открыло доступ в ряды Красной армии бывших генералов и офицеров. Так что к декабрю 1919 года вовсе не обязательно было попадать в плен, чтобы стать военспецом в РККА. К тому же Особый отдел ВЧК тщательно проверял всех бывших царских офицеров и вызывающих малейшее сомнение на командные

должности не назначали, оставляя советниками, а Говорову практически сразу поручают сформировать и затем возглавить артиллерийский дивизион. Ну, и самое главное, версия плена не подкреплена ни одним документальным свидетельством, нет упоминаний об этом и в воспоминаниях других офицеров и генералов. А через ряды Белой армии все-таки прошло большое количество военспецов. Уже к сентябрю 1919 года в ряды Красной армии было зачислено 35,5 тысячи офицеров и генералов и около 4 тысяч военных чиновников. До конца Гражданской войны всего было призвано в ряды РККА 48,5 тысячи офицеров и генералов, а также 10,3 тысячи военных чиновников и около 14 тысяч военных врачей. Одних генералов было 388 человек, подавляющее большинство из них вступили в ряды Красной армии добровольно. Некоторые царские офицеры стали впоследствии выдающимися советскими полководцами, настоящими патриотами своей Родины. Среди самых известных можно вспомнить таких, как Б. М. Шапошников, Д. М. Карбышев, И. Х. Баграмян. И, конечно же, Леонид Александрович Говоров.

Части Красной армии вступили в Томск 22 декабря 1919 года, а уже в январе 1920-го Говоров был зачислен в 51-ю стрелковую дивизию В. К. Блюхера, находившуюся в тот момент на отдыхе и переформировании.

А генерал-майор В. М. Молчанов, в отряде которого Говоров начинал служить на стороне белых, до самого конца будет воевать с большевиками, вплоть до 1922 года, в При-

морье – последнем оплоте Белой гвардии. Потом Молчанов через Маньчжурию и Японию эмигрирует в США, напишет книгу воспоминаний «Борьба на Востоке России и в Сибири», проживет долгую жизнь и скончается в январе 1975 года в Сан-Франциско. Родину он больше никогда не увидит.

Блюхер, быстро оценивший организаторские способности молодого подпоручика[6], и поручил ему формирование 3-го артиллерийского дивизиона. Вместе с Леонидом в ту же дивизию поступил на службу и его брат Николай, но он остался в РККА только до конца Гражданской войны и в 1923-м демобилизовался по состоянию здоровья. Дальше боги или демоны войны вели лишь одного брата – Леонида. Он уже больше не пытался бросить доставшийся ему крест, а нес его с честью, следуя собственному внутреннему девизу: чем бы ты ни занимался – будь лучшим в своей области.

Что из себя представляла зимой 1920 года 51-я стрелковая дивизия, получившая в 1921 году гордое почетное наименование Перекопская, прекрасно видно из воспоминаний ветеранов дивизии: «К 1 февраля было зарегистрировано 1280 членов РКП и 733 сочувствующих. Культпросвет-работа выразилась в открытии школ и постановках спектаклей. За январь было открыто 60 школ с общим количеством 2100 учащихся. Функционировало: 80 библиотек, поставлено 69 спектаклей, организовано 343 научные лекции. Крестьянская секция подива[7] обслуживала Ишимский, Тюкалинский и Н.-Николаевский уезды. Из-за сильной эпидемии

тифа работа, в общем, развивалась слабо.

Пленные, оставляемые белыми, мобилизованные и принятые в дивизию, заражали красноармейцев. Ни одного дома здесь не было без больных. Все свободные дома были полны тифозными. Их клали по три на две койки, по два на одну и просто на пол на тонкой соломенной подстилке. Света обыкновенно не было. Врачи, сестры ходили, спотыкаясь через больных, не спали круглые сутки. С верхних нар падали на голову вши.

Выздоровливало мало: умирали каждый день, каждую ночь. В полках заболеваемость достигла 100 человек в день. Гражданская власть, еще не сформированная, бессильна была оказать войскам помощь в борьбе с эпидемией. Требовалось громадное напряжение сил. И надо отдать справедливость – работали не покладая рук. Один солону тащил, другой чашки, ложки, продовольствие.

В результате и на этом фронте борьбы дивизия одержала победу. К 23 февраля эпидемия в частях сократилась настолько, что части 26 февраля уже могли выступить пешим порядком для сосредоточения вглубь Сибири»³⁰.

После укомплектования артиллерийский дивизион Говорова был переброшен на Южный фронт, против Русской армии барона П. Н. Врангеля. Там он был дважды ранен. «В боях под Каховкой и на Перекопе Леонид Александрович проявил себя как вдумчивый, энергичный и волевой командир-артиллерист. За успешное применение артилле-

рии против танков и кавалерии Врангеля он был удостоен первой боевой награды – ордена Красного Знамени»³¹ (№ 2511). В частности, на Каховском плацдарме в августе 1920-го части Красной армии подверглись атаке 12 белых танков. Боевые машины британского производства типа Mk V и Mk A Whippet, носящие такие звонкие имена, как «Верный», «Генерал Слащёв», «Великая Россия», «Генерал Кутепов», «Фельдмаршал Кутузов», пытались сбросить красноармейцев в Днепр. Четыре танка после артиллерийского обстрела батарей Говорова остались гореть в полях Малороссии. Остальные были захвачены красными.

Надо сказать, что это был первый опыт артиллериста Говорова в противостоянии с танками вообще. Данный вид оружия был принципиально новым для того времени, никто с ним раньше не сталкивался. Вот как описывает этот бой Н. Кондратьев: «Батареи командира 3-го легкого артиллерийского дивизиона Леонида Говорова стояли в садах за хутором Терны. Танк “За Русь Святую”, прорвав три ряда колючей проволоки, перевалил через окопы. Говоров приказал командиру 1-й батареи Сергею Крюкову уничтожить танк. Артиллеристы выкатили орудия на открытые позиции и сосредоточили огонь на покачивающейся черной глыбе. Одно орудие и два пулемета на танке заглохли. Команда не выдержала, повернула машину назад. Снаряд врезался под днище, оборвал гусеницы. Офицеры выскочили из танка и принялись исправлять повреждение. Шрапнель накрыла их.

Второй танк, “Кутузов”, не успел дойти до окопов. Говоров обрушил на него огонь всех орудий. Взорвался бензиновый бак. Жаркое пламя взметнулось над железным чудищем»³².

В книге под названием «Пятьдесят первая Перекопская дивизия», изданной небольшим тиражом в 1925 году, можно увидеть фотографию молодого Говорова в разделе, посвященном Каховской операции и отражению атаки 12 танков. Командир артдивизиона Говоров отмечен как отличившийся в сражении. Тем ценнее это свидетельство, что в 1925 году, на момент выхода книги, Говоров был вообще никому не известен. На фотографии на нас глядит собранный, сдержанный молодой мужчина. Знаменитые «говоровские» усы на тот момент уже наличествуют.

Надо сказать, что Говорову повезло с командиром. Начартдив Василий Арсеньевич Будилович, сам «из бывших», по воспоминаниям, был «дисциплинированный, начитанный и культурный».

В составе Перекопской ударной группы (15, 51 и 52-я стрелковые дивизии) Говоров участвовал в форсировании Сиваша. Он делал то, что получается у него лучше всего, то, для чего он появился на свет – командовал войсками. И еще одна ремарка. В соответствии с существовавшим положением о военспецах офицер, награжденный орденом Красного Знамени, автоматически снимался с учета бывших белых офицеров, который штаб РККА осуществлял совместно

с органами государственной безопасности. Это был знак серьезного доверия, которое необходимо было заслужить кровью, потом и самоотверженностью. Поэтому все разговоры о вынужденном переходе на сторону красных безосновательны. Впрочем, факт службы в Белой армии потом долго будет сказываться на карьере талантливого артиллериста.

После окончания Гражданской войны Говоров продолжил службу в 51-й стрелковой дивизии [8]. С окончанием боев начинается учеба. Летом 1921 года дивизия переукомплектовывается, приводит в порядок материальную и техническую части, принимает участие в военных играх в районе Одесса – Овидиополь, отрабатывает маневры. Создается машинная рота, расширяется школьная подготовка, активно ведется работа по политической части, прорабатывают тактические вопросы с учетом опыта Гражданской войны.

С 1921 года Говоров – командир 153-го дивизиона. «Хорошая подготовка была отмечена 9 сентября 1921 года Предреввоенсовета Республики тов. Троцким (приказ по артиллерии за № 160). После осмотра тов. Троцкий вызвал перед фронтом командира 153-го дивизиона тов. Говорова, поцеловал его и выразил уверенность в дальнейшей мощи артиллерии»³³. К этому моменту в Харьковском военном округе завершилась территориальная реорганизация войск и 51-я Перекопская стрелковая дивизия вошла в состав Харьковского военного округа. В апреле 1922 года Харьковский и Киевский военные округа были объединены в Юго-За-

падный военный округ. 1 мая воины дивизии приняли военную присягу. Это торжественное мероприятие проводилось в первый раз после окончания Гражданской войны. 27 мая Юго-Западный военный округ получил новое название – Украинский (УкрВО).

В 1922 году изменилась организация стрелковой дивизии, количество стрелковых полков в дивизии сократилось с девяти до трех. В мае в УкрВО начал формироваться 6-й стрелковый корпус, в состав которого была передана 51-я стрелковая дивизия. В том же году состоялся первый «нормальный призыв» в РККА. Опять же, смотря что подразумевать под словом «нормальный». Пополнение 1901 года рождения начало прибывать в октябре. На тот момент штат дивизии, справившей свою 2-ю годовщину, был укомплектован на 50 %. «Новобранцы, пережившие голодный год, прибывали в дивизию полураздетыми, грязными, завшивевшими... Санитарная обработка проводилась на местах, всех обтирали керосином и сулемой, одежду пропускали через дезинфекционные камеры... По окончании санобработки части приступили к занятиям. С первых же дней обучения посещаемость занятий определилась в довольно устойчивой цифре – 50 % состава. Сразу же пришлось выбраковать 20 % из числа прибывших, как непригодных к несению службы; они составили кадры так называемых “комиссионных”. Остальные 30 % отсутствовавших на занятиях – были босые и раздетые»³⁴.

В октябре 1923 года Говоров получил новое назначение – помощником начальника артиллерии своей дивизии. Работы было много. К слову сказать, в 1922 году в дивизию прибыло 17 % неграмотных новобранцев, малограмотных – 43 %. Демобилизованных неграмотных солдат нет. Таким образом, на деревню после службы в армии все попадали грамотные или малограмотные. В этих условиях Говоров не забывал и о самообразовании. Он установил для себя строжайший режим. Штудировал уставы артиллерии, пехоты, кавалерии, броневых сил, «Тактику артиллерии» Н. С. Сапожникова. Он выработал собственное понимание тактических приемов исходя из полученного боевого опыта. Ему было недостаточно устаревших методичек: новая армия, новые войны требуют принципиального пересмотра роли и места артиллерии в войсках.

Определяющим на всю дальнейшую жизнь для Говорова стал 1923 год. В марте управление 6-го стрелкового корпуса было переведено в Одессу. Что представлял из себя город в 1923 году, прекрасно показано в рассказах И. Э. Бабеля: Молдаванка, воровские «малины», Мишка Япончик и пахнувший барабулькой рынок с крикливыми одесситами. В конце года на спектакле Одесского оперного театра Леонид Александрович познакомился со своей будущей женой Лидией Ивановной, ставшей его верной спутницей на всю оставшуюся жизнь.

Шла опера Л. Делиба «Лакме», действие которой «проис-

ходило в конце XIX века в британской Индии. Многие индусы вынуждены верить в своих богов тайно. Джеральд, английский офицер, случайно набредает на священный храм брахман. Он встречает Лакме (ее имя происходит от санскритского Лакшми), дочь верховного жреца Нилаканты. Молодые люди влюбляются друг в друга»³⁵. Но жрец призывает убить святотатца. Конечно, романтический сюжет оперы сыграл лишь опосредованную роль в том, что молодые люди полюбили друг друга, но эта история только еще раз подтверждает, что в жизни мелочей не бывает. События наслаиваются одно на другое таким образом, что каждое из них становится небольшой ступенькой к судьбоносному решению. Лидия Говорова впоследствии признавалась, что больше всего ее поразили в молодом офицере не внешность, не внутренняя сдержанность, не статная фигура и волевой подбородок, а... красные революционные шаровары.

Фактически, реальный факт биографии маршала предвосхищает сюжет знаменитого фильма «Офицеры», когда сначала на заснеженном плацу кавалерийского училища курсанту Алексею Трофимову за отличную стрельбу, рабоче-крестьянскую дисциплину и преданность делу мировой революции вручают красные революционные шаровары, а затем Трофимов всюду щеголяет в модных галифе. В них же он совершает мужественный поступок – спасает девушку от бандитов, и девушка конечно же становится супругой будущего офицера.

Будущий маршал от бандитов девушку Лиду не спасал, хотя бандитов в Одессе-маме хватало, но красные штаны сыграли свою необходимую роль, впечатление было произведено.

Красные революционные шаровары – это не выдумка сценаристов и не случайность. В период становления Красной армии вопрос награды отличившихся бойцов и офицеров стоял достаточно остро. Система орденов и медалей только начинала разрабатываться, а бойцам зачастую были необходимы абсолютно практичные вещи: новые штаны, сапоги, седла, рубахи, отрезы сукна. Поэтому красными галифе награждали за доблесть и проявленное в бою мужество. Этот знак отличия был в порядке вещей, а поскольку революция любит красный цвет, нет ничего удивительного, что отличившиеся бойцы и офицеры щеголяли в революционных шароварах и кружили головы молодым девушкам. Из-за этих же штанов Лидия Ивановна долго не решалась познакомить с родителями своего избранника. Семья у нее была интеллигентная, отец до революции служил управляющим у помещика и к новой власти относился, мягко скажем, с недоверием. Но судьба уже закрутила свое колесо. Через двадцать лет верная и преданная женщина, несмотря на запреты мужа, будет добираться к нему по Дороге жизни в блокадный Ленинград: лишь бы быть рядом с любимым человеком. А тогда в Одессе все развивалось стремительно. Меньше чем через год, 18 октября 1924 года в молодой семье пополнение:

родился первый сын, которого называли Владимиром. Старший сын полководца также станет артиллеристом, будет воевать в Великую Отечественную, не прячась за спиной отца – командующего фронтом: станет командиром взвода, затем батареи, будет ранен и впоследствии завершит военную службу генералом армии и Героем Советского Союза...

Вспоминая жизнь и быт в Одесском гарнизоне, Лидия Ивановна Говорова рассказывала: «... Действительно, некоторым муж казался очень сухим. Я-то была общительна, любила бывать среди подруг и знакомых по гарнизону, но заставить Леонида Александровича в нашу компанию редко удавалось. Подруги даже шутили: как ты с таким молчуном уживаешься? Но мы жили с ним в большой и хорошей дружбе. Ведь в действительности он очень внимателен во всем... А вот захочешь взять его под руку на прогулке – обязательно уклоняется: не умею, мол, так ходить. Или придут гости: он вначале посидит вместе, а едва начнется обычный легкий разговор – встанет, скажет, что пошел работать, и уйдет. Конечно, кое-кто даже обижался. Признаюсь, и мне иной раз всплакнуть в таких случаях хотелось, а он заметит – чуть улыбнется: “Глупости все это...” И верно, глупости. Он просто не умел и не хотел так просто “поболтать”, как мы говорили»³⁶.

История донесла до нас и такой отзыв о творческих способностях Л. А. Говорова. «Однажды, – вспоминал командир полка 51-й дивизии Г. Н. Дегтярев, – случилось такое,

что всех нас удивило. Руководить сбором командного состава назначили командира артполка Перекопской дивизии Леонида Говорова, равного по положению всем нам. Некоторые участники сбора, не стесняясь, вслух выражали скептическое отношение к новому руководителю. Через несколько дней превратное отношение к Говорову резко изменилось. «Перекопец» оказался с завидной начинкой. Командиры артполков, словно зачарованные, слушали содержательные лекции Говорова, отличавшиеся глубиной и ясностью мыслей, новизной высказываний по теории и практике артиллерийского дела»³⁷.

Документы, хранящиеся в личном деле Л. А. Говорова, скупо, но совершенно точно характеризуют его деловые и политические качества. Вот отдельные выдержки из них.

1925 год. «По должности помощника командира легкого артиллерийского полка Пятьдесят первой стрелковой дивизии[9] показал себя – по строевой части – во всех отношениях весьма способным командиром. Обладает сильной волей, энергией, инициативой. Техническая подготовка как артиллериста безукоризненна. Дисциплинирован и умеет поддерживать дисциплину у себя в полку. Общеобразовательная подготовка отличная».

1925–1926 годы. «По должности командира артиллерийского полка[10]: К проходимому теоретическому курсу относится с полным вниманием, усваивает его хорошо. В тактическом отношении является отлично подготовленным и во

всякой обстановке умеет разобраться. Склонен к самостоятельному принятию решений без боязни ответственности. Политработу может вести самостоятельно... Характер ровный, спокойный, серьезный. Наиболее склонен к строевой артиллерийской работе. Для старшего общевойскового начальника явится надежным сотрудником и ценным помощником <...>

[1927 год:] Развита хорошо. В тактическом отношении подготовлен отлично и во всякой обстановке умеет разобраться. Склонен к самостоятельному принятию решений, без боязни ответственности... Наиболее подготовлен к строевой артиллерийской работе. Для старшего общевойскового начальника явится надежным сотрудником и ценным помощником. <...>

[1931–1932 годы:] По должности начальника артиллерии укрепленного района... показал практические и теоретические знания артиллерии и общей тактики отличные. Отлично знает огневое дело и методы точной стрельбы... Требователен к подчиненным, но вместе с тем чуток и внимателен. Хороший организатор. Беспартийный, но политически развит хорошо, активен в марксистско-ленинской самоподготовке. В общественной работе был образцом»³⁸.

Беспартийность Говорова являлась следствием его службы в рядах Белой армии с одной стороны, а с другой – результат прямолинейности, открытости, абсолютной честности. В 20-х годах на вопрос о том, почему он решил по-

дать заявление в партию, Говоров со всей прямотой ответил: «Чтобы овладеть современной военной наукой, надо учиться. Я решил поступить в военную академию, но я беспартийный...» Такой ответ не понравился членам парторганизации. «Что значит – я решил, я хочу?» «Плохо еще понимает товарищ Говоров, – записано в протоколе одного из выступлений, – для чего существует партия. Надо воздержаться пока от приема. Пусть разберется во всем, а мы поможем»³⁹. Отказ этот больно ударил по самолюбию молодого командира. И вместе с тем этот эпизод свидетельствует о гордости и чувстве собственного достоинства. Вплоть до 1942 года Говоров больше не подавал заявления о приеме в члены ВКП(б). И «лишь в блокадном Ленинграде, будучи командующим фронтом, генерал обратится в штабную парторганизацию с просьбой принять его в партийные ряды. Приняли, как предписывал устав, кандидатом. А через двое суток решением ЦК (точнее, лично И. В. Сталина) командующий был переведен в члены партии без прохождения кандидатского стажа – для того времени исключительный случай»⁴⁰.

С 1923 по 1929 год Говорова постоянно избирали депутатом Одесского горсовета, в 1928 году он даже был членом Одесского окружного исполкома. Дважды, в 1927 и 1928 годах, командование округа и Реввоенсовет награждали Говорова золотыми часами за отличную артиллерийскую подготовку дивизии. Может показаться странным, но в этом не было проявлений карьеризма со стороны будущего марша-

ла. Должность депутата была скорее обузой. К тому же надо понимать, что из себя представляла Одесса в 20-е годы. «Одесса-мама продолжала наводить страх на любопытных туристов, пополняла свой неповторимый жаргон, а по содержанию блатных песен становилось очевидным, что громкие убийства, ночные налеты, поножовщина в портах и финансовые аферы по-прежнему процветали в городе. [...] С приходом советской власти уклад прежней жизни одесситов ломался, изменялся и криминальный мир. Дети рабочих предместий, чьи родители были заняты на работе, были предоставлены сами себе. В перенаселенных окраинных кварталах всем заправляли уголовники. [...] На рынках тогда распевали: “Пролетарии всех стран, берегите ваш карман”. [...] На Молдаванке по улице Виноградской была создана специальная школа, где шло обучение криминальному искусству»⁴¹. И в этих, мягко говоря, некомфортных условиях должность депутата была скорее расстрельной, нежели приносящей какие-то дивиденды. Но Говоров брался за все, что ему поручали, и любое дело доводил до конца.

Военная карьера Леонида Александровича развивается ровно, без резких взлетов и падений, но при этом крепко и основательно, как и всё в его жизни. Спокойный, немногословный, даже замкнутый, непьющий и некурящий (что было в те годы завидным и для многих непонятным исключением), не мизантроп, но и не рубаха парень, Говоров был из той породы людей, что не распикивают никого локтями, не

лезут наверх, но тихо, без особого шума делают свое дело, делают на совесть, потому что по-другому не умеют.

С должности командира полка Л. А. Говоров в мае 1931 года был назначен начальником артиллерии Рыбницкого укрепрайона. В июле 1934-го он стал начальником артиллерии сначала 14-го, а затем 15-го стрелковых корпусов, а в феврале – октябре 1936 года возглавлял 1-е отделение Артиллерийского отдела Киевского военного округа. Параллельно со службой Говоров постоянно повышает уровень своих знаний. Он окончил Артиллерийские курсы усовершенствования командного состава в Пушкине (в 1926 году), Высшие академические курсы при Военной академии им. М. В. Фрунзе (в 1930 года). «В 1933 г. Говоров заочно заканчивает полный курс этой академии, а потом проходит дополнительное обучение на ее оперативном факультете. Говоров самостоятельно изучил немецкий язык и сдал экзамен на военного переводчика, что позволило ему в дальнейшем самостоятельно допрашивать пленных немецких генералов. В 1936 г. Говорову присваивается звание “комбриг” [11] и в том же году он становится слушателем первого (его еще часто называют “золотого”, потому что в нем было много будущих полководцев) набора Академии Генерального штаба»⁴².

Б. В. Бычевский пишет: «Нельзя не дать... хотя бы самого сжатого представления об академии. Воспользуемся воспоминаниями одного из бывших слушателей, впоследствии видного советского военачальника генерал-полковни-

ка Л. М. Сандалова. “...Трудно переоценить значение этого нового высшего военно-учебного заведения, созданного незадолго до войны, – писал он. – Только из числа слушателей первого набора в годы Великой Отечественной войны занимали в разное время посты начальника Генерального штаба – А. М. Василевский и А. И. Антонов; командовали фронтами— И. Х. Баграмян, Н. Ф. Ватутин, Л. А. Говоров, П. А. Курочкин; возглавляли штабы фронта – А. Н. Боголюбов, М. В. Захаров, В. М. Злобин, В. Е. Климовских, В. В. Курасов, Г. К. Маландин, Ф. П. Озеров, А. П. Покровский, Л. М. Сандалов”.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.